

прот. Михаил Дронов

Карнеги, «Анти-Карнеги» и Авва Дорофей протоиерей Михаил Дронов

Книжная полка практически каждого магазина не обходится у нас сегодня без объемистых томов американца Дейла Карнеги. Кто же этот автор, которого так много печатают, и, по-видимому, много читают? В одной из первых массовых публикаций на русском языке книг Дейла Карнеги (1888–1955) он представлен российским читателям как “специалист в области человеческих отношений”. Столь необычный титул придуман не из желания ему польстить, а в связи с действительным затруднением определить его место в привычных нам социальных ячейках. Он не ученый: не психолог, не врач, не философ; он не партийный пропагандист, не проповедник. Он – практик, который осмыслил составляющие собственного успеха во “влиянии на людей” для удачного бизнеса, и, таким образом, оказался на знамени “американского образа жизни”.

Если учесть, что вторая половина XX в. – период тотальной американизации земного шара (на рубеже XXI века спешно американизируются нации, которые до этого в течении семидесяти лет были “советизированы”), то можно сказать, что Карнеги – один из идеологов нынешней цивилизации вообще.

Который раз за всю российскую историю вновь распахнуто окно на Запад. Но теперь уже очевидно: мир слишком мал, чтобы такая значительная его часть, как Россия, осталась вне современной европейско-американской цивилизации. Что сегодня представляет собой господствующая цивилизация? Ясно одно, что если она еще считает себя христианской, то только по привычке¹. Сегодня православному христианину как никогда важно осознанно стоять на подлинных евангельских и святоотеческих нравственных позициях. Требуется различать тонкие подмены христианских ценностей ложно гуманистическими, которые столь обильно распространяются всеми средствами массовой информации. Попробуем разобраться в некоторых из них.

Ложь или самообман?

Главный девиз Карнеги: “избегайте конфликтов”, однако многие

психологи считают, что сегодня конфликты и конфликтные ситуации отступают на задний план перед другой, куда более пугающей проблемой современности. Конфликты – это неудача общения; они происходят от того, что человек не хочет принимать людей такими, какие они есть. Еще страшнее противоположная крайность, заведомый отказ от подлинного межличностного контакта и подмена его формальными поверхностными отношениями. Вместо глубокого искреннего общения – заученный ритуал вежливости, и то – в лучшем случае. Человек всем своим видом и поведением как бы предупреждает другого: “ты мне интересен лишь как объект, выполняющий свои социальные функции, меня не интересует, чем ты живешь на самом деле! и ты тоже не переступай порога моего внутреннего мира”. Как следствие – глубочайшее одиночество и отчужденность современного человека, что в развитых “постиндустриальных” странах особенно подает повод врачам-психиатрам для серьезной озабоченности.

Внутренняя установка на уклонение от личностного контакта по сути дела приводит к тому же результату, что и всякая ложь, разрушающая прежде всего подлинные взаимоотношения людей. Более того, перестав видеть в окружающих людях их личностную глубину, человек просто теряет чувство реальности: он уже не понимает, почему ложь хуже правды. Ведь когда люди общаются с глубокой душевной открытостью, правдивость сближает их, а любая попытка покривить душой отдаляет друг от друга. Когда же их общение поверхностно-формально, то правдивость обесценивается, а ложь, напротив, перестает страшить потерей взаимной близости – нельзя потерять то, чего нет...

Христианские отцы Церкви всегда подчеркивали эту главную опасность лжи, которая обрывает межличностную связь между людьми и связь человека с Богом. Разумеется, проблема лжи “тогда” не стояла так широко, как теперь, ложь не была настолько общепринятой формой общения, как в наши дни. Тем не менее по своей внутренней структуре этот порок одинаков во все времена.

В этой связи представляет интерес поучение *О том, что не должно лгать* преподобного аввы Дорофея² (Почтение 9). Поэтому прежде чем разобраться в этической системе Дейла Карнеги, имеет смысл уточнить позиции, на которых стоит христианское святоотеческое нравоучение. Беседы аввы Дорофея адресовались монахам, находившимся в общем жительстве. Для нас ценно, что они рассчитаны на людей, связанных общим образом жизни и общим трудом, и поэтому они достаточно близки большинству наших современников, работающих или учащихся в тесном

соприкосновении с окружающими их людьми.

“Хочу вам, братия, вспомнить несколько о лжи, ибо я вижу, что вы не очень стараетесь удерживать язык свой, от чего мы легко увлекаемся во многое зло”, – начинает девятое поучение авва Дорофей. И далее, со свойственной ему ясностью мышления и склонностью к классификациям, он разделяет ложь на типы: “есть три различных вида лжи: иной лжет мыслию, другой лжет словом, а иной лжет самую жизнь свою”.

Совсем кратко учение о трех видах лжи аввы Дорофея можно охарактеризовать так: ложь мыслью – это когда человек собственные мечтания принимает за реальность. Ложь словом – искажение действительности с какой-то корыстной целью. И, наконец, ложь жизнью – сознательное сокрытие порока под видом добродетели.

“Ложь мыслью” по авве Дорофею

В чем именно состоит ложь мыслью, авва Дорофей подробно раскрывает на двух примерах. Первый – из его собственной жизни, когда в начале иноческого пути у него вдруг появилось искушение “по движениям и по походке человека заключать о его душевном устроении”. Но он вовремя получил вразумление от старца: “никогда не верь своим догадкам, ибо кривое правило и прямое делает кривым”. Действительно, если сама человеческая природа повреждена грехом, то ей опасно доверять. “Мнения людей (то есть те заключения о других, которые могут быть сделаны только на основании собственного опыта) ложны и вредят тому, кто предается им”, – эту мысль святого старца авва Дорофей усвоил сам и передал ученикам.

Другой пример показывает, как далеко может зайти любой человек, если увлечется собственной способностью “провидеть” то, что у людей на душе, прежде всего – дурное, особенно если у него появится уверенность в непогрешимости своей проницательности. Одному из братьев монастыря, который страдал таким самомнением, – рассказал авва Дорофей, – просто-напросто привиделось, что другой брат ворует из сада спелые смоквы (плоды инжира). Потерпеть он такого, конечно, не мог – не для того он постоянно всех выслеживал и высматривал, кто чем занимается, – и поспешил доложить игумену. Разбирательство, однако, выявило, что подозреваемый брат вовсе отсутствовал в то утро в монастыре. “Ничто, – заключает авва Дорофей, – так не удаляет человека от Бога и от внимания к своим грехам и не побуждает его всегда любопытствовать о бесполезном ему, как сия страсть”.

Как всегда, с некоторой долей юмора авва Дорофей показывает, в чем проявляется состояние подозрительности, как теперь иногда говорят,

“закомплексованного” человека, которому кажется, что все на него смотрят или потихоньку над ним посмеиваются. “...Такой, когда видит, что кто-нибудь беседует с братом своим, делает свои догадки и говорит: он обо мне беседует. Если прекращают беседу, он опять предполагает, что ради него прекратили беседу. Если кто скажет слово, то он подозревает, что оно сказано для оскорбления его. Вообще в каждом деле он постоянно, таким образом, замечает за ближним, говоря: он ради меня это сделал, он ради меня это сказал, он это сделал для того-то. Таковой лжет мыслию, ибо он ничего истинного не говорит, но все по одному подозрению, а от сего происходят: любопытство, злословие, подслушивания, вражда, осуждения”.

Понятно, что подобное обостренное восприятие всех событий через призму собственной персоны – плохой советчик в любых делах. Но несчастный, заиклившийся на себе человек может этого не понимать и принимать все свои фантазии за чистую монету. Авва Дорофей рассматривает и такую ситуацию, когда новоначальный инок свою болезненную зависимость от мнения всех и каждого пытается использовать для самоконтроля. Это тоже не может привести ни к чему хорошему. “Бывает, что иной ... желая, как он говорит, исправлять себя, уже постоянно (за всем) замечает, думая: если кто-нибудь говорит обо мне, то мне надобно знать, какое мое согрешение, за которое он меня осуждает, и я буду исправляться. Во-первых, уже и начало сего от лукавого, ибо он начал ложью: не зная подлинно, придумал то, чего не знал; а как «может древо зло плоды добры творити?» (Мф 7:18)”.

Если уж действительно искать средств своего исправления, – заключает преподобный, – то для этого есть прямые пути. “А говорить: я верю своим догадкам для исправления себя, и с этой целью подслушивать и любопытствовать, – это есть самооправдание, внушаемое диаволом, который желает строить нам козни”.

Необходимость критического отношения к любому своему сложившемуся мнению авва Дорофей подчеркивает полушутливой гиперболой: “и так с тех пор, когда помысл говорил мне о солнце, что это солнце, или о тьме, что это тьма, я не верил ему...”. Но этим он лишь еще раз обращает внимание на то, сколь серьезна опасность “действительно видеть вещи, коих нет и быть не может”. Безусловно и то, что у аввы Дорофея речь все время шла об опасности ошибиться не в физических, а в нравственных вещах. Поэтому и здесь, когда он говорит о *тьме* и *солнце*, то прежде всего имеет в виду обычное для библейско-христианской символики обозначение под этими понятиями зла и добра.

Подозрительность – причина самообмана или самообман – подозрительности?

Задумаемся над тем, чего, собственно, хотел добиться брат, которого привел в пример авва Дорофей в своем объяснении, что такое ложь мыслью. Этот брат “однажды, вошедши в сад, высматривал, – ибо он всегда подсматривал и подслушивал”, – характеризует его рассказчик. В чем он всех подозревал? о чем были его догадки? в каких предположениях он был настолько уверен, что “ему казалось, что дело происходит непременно так, как представляет ему помысл его, и не может быть иначе”? Войдя в пустой сад, он очень хотел встретить “нарушителя” монастырского устава, который бы там тайком ел смоквы. И он увидел то, что хотел...

Почему ему так нужно было кого-то уличить в грехе? Ответ простой: в тот момент весь смысл своего существования он видел в избличении порока. Ясно, что в его сознании когда-то произошла трагическая подмена ложным пониманием подлинного ощущения себя, своих взаимоотношений с Богом и людьми. Его стремление к правде и справедливости уродливо обернулось присвоением себе роли судьи над чужими грехами, причем судьи, отнюдь не бесстрастного, но жаждущего карать и наказывать.

Мы вполне можем допустить противоположную ситуацию в том же монастырском саду. Игумен или сам авва Дорофей мог действительно застать не мнимого, а реального “нарушителя”, соблазнившегося спелыми плодами. Как бы он поступил? Не пускаясь в небезопасные догадки, совершенно определенно можно сказать, что его решение было бы основано на сострадании к человеческой слабости и на трезвой оценке размеров “преступления” и всех возможных путей его последующего осознания.

Во всяком случае авва Дорофей дает нам пример аналогичного игуменского решения. Но на этот раз, правда, “виновником” оказался не “похититель смокв”, а тот самый брат, одержимый страстью подозрительности. Игумен, “созвав всю братию, по окончании литургии, со слезами рассказал им о случившемся и обличил брата пред всеми, (желая) достигнуть сим троякой пользы: (во-первых) посрамить диавола и обличить сеющего такие подозрения; во-вторых, чтобы чрез сие посрамление был прощен грех брата и чтобы он получил от Бога помощь на будущее время, и в-третьих, чтобы утвердить братию – никогда не верить своим мнениям”³.

Эта троякая цель игумена содержит ответ на главный вопрос: как освободиться от подозрительности.

Посрамить диавола – значит раскрыть обман “отца лжи” (Ин 8:44). Обличить его – это и означает сорвать личину, скрывающую его демоническую сущность, то есть выявить действительные истоки семян подозрения – ведь сам-то брат, увлеченный поиском “преступников”, был уверен в полной своей правоте. То, что брат обманулся в саду, – результат всей его настроенности на подозрительность. Однако, в свою очередь, ее причина – в подмене подлинного предстояния перед Богом ложными целями, которая в какой-то момент в нем произошла, когда вся его жизнь сузилась до изобличения порока в других. Так что получается, что подозрительность – и причина, и следствие лжи и самообмана. Это – порочный замкнутый круг.

Посрамить диавола поэтому и означает разорвать этот круг, чтобы все, и в первую очередь брат, более других пострадавший от диавольского обольщения, осознали смысл происшедшего. И тогда придет и покаяние, и прощение, и помощь Божия.

И последний практический вывод – третья цель игумена в его наставлении братии – для того, чтобы не попасть в заколдованный круг самообмана и подозрительности, надо быть предельно осторожными со своими выводами о ком бы то ни было. И тем более никогда нельзя до конца доверяться собственному опыту относительно людей.

Чьей жизнью живет подозрительный человек?

Вернемся еще раз к внутреннему состоянию человека, страдающего повышенной подозрительностью. Он, как в древнегреческом театре, надевает на себя маску судьи и вдруг начинает видеть смысл своей жизни в изобличении ошибок и грехов других людей.

Почему авва Доротея мог смело сказать, что эта страсть более других страстей удаляет человека от Бога? Святой отец подчеркивал потерю внимания к своим грехам, которая неизбежна для подозрительного. Но можно сказать и больше.

Подозрительный человек вообще перестает замечать самого себя, поскольку всё его внимание, все его интересы сосредоточились не в собственной душе, не в том, что реально составляет его жизнь, а – в других. Он как бесчувственный механизм, работающий от заведенной пружины, единственная функция которого – выискивать в людях недостатки. Жизнь других, заполнившая поле его сознания, на самом деле иллюзорна, она не может заменить ему собственной жизни, которую он “проскальзывает”, не замечая.

Здесь уместно вспомнить глубинную разницу между *иметь* и *быть*: можно, как предупреждает Спаситель, приобрести и иметь весь мир, но не

получить от этого никакой пользы (Мф 16:26). Ведь само по себе это не преобразит внутреннего существа человека, он остается тем, чем был. Подозрительный стремится распорядиться чем-то чужим, что никогда не составит его реального существа. В то же время он бросает то, что действительно имеет, что он *есть* – собственную внутреннюю жизнь. В результате он теряет одно и не приобретает другого. От человека остается как бы только оболочка, выполняющая внешние функции, а душа – не в ней, но где-то растеклась и рассеялась в предметах его интересов...

Мысль о том, как важно жить собственной, а не чужой жизнью, не раз высказывалась одним из самых ярких проповедников сегодняшнего христианского мира – митрополитом Антонием Сурожским. Владыка Антоний всегда подчеркивает, что “молитва по своей сути – встреча, встреча души и Бога; но для того, чтобы встреча была реальной, обе личности, которые в ней участвуют, должны быть действительно самими собой”⁴.

В нашем случае подозрительность как никакая другая страсть, по слову аввы Дорофея, удаляет человека от Бога. Человек, страдающий подозрительностью, живет чьей-то чужой, а не своей жизнью, которая в точности соответствует всему, что митрополит Антоний говорит о выдуманных, неподлинных отношениях с Богом: “мы думаем, что обращаемся к Богу, а на деле обращаемся к образу Бога, созданному нашим воображением; и мы думаем, что стоим перед Ним со всей правдивостью, тогда как на деле выставляем вместо себя кого-то, кто не является нашим подлинным «я», – актера, подставное лицо, театральный персонаж”⁵.

К сожалению, очевидно также и то, что люди, не подверженные подозрительности в такой мере, все же не могут пребывать в спокойствии за себя, они не могут быть уверены, что не лгут мыслью в чем-то другом. “Каждый из нас, – продолжает владыка Антоний, – представляет собой в одно и то же время несколько разных личностей ... Мы бываем различными в зависимости от обстоятельств и окружения: разные лица, встречающиеся с нами, знают в нас совершенно различных людей, по русской пословице: «Молодец против овец, а против молодца и сам овца». Как часто это бывает: каждый из нас может вспомнить среди своих знакомых даму, которая – сама любезность с чужими и суцая фурия у себя дома, или грозного начальника, который в семейном кругу – воплощение кротости”⁶.

Так, начав с маски “подозрительного судьи”, мы обнаружили, что кроме нее есть еще другие бесчисленные маски, которые люди иногда

примеривают на себя, а иногда носят не снимая, так что уже сами не помнят своего подлинного лица...

Научиться не лгать себе

Как найти в себе свое подлинное “я”? Для христианина этот вопрос стоит особенно остро, поскольку требуется решить, “какая из наших личностей должна выступить для встречи с Богом. Это непросто, – подчеркивает митрополит Антоний Сурожский, – потому что мы настолько не привыкли быть самими собой, что искренне не знаем, которая из всех личностей и есть это подлинное «я»⁷.

Кроме того, всегда остается опасность: во множестве вариаций задавать вопрос “кто я на самом деле?”, и при этом никак не пытаться сдвинуться с места. Поэтому люди особенно ценят, когда перед их глазами кто-то уже нашел путь и идет по нему, когда путь этот убеждает своей конкретностью или по крайней мере тем, что по нему можно идти! Владыка Антоний здесь, как всегда, находит самый прямой, хотя не самый легкий путь: “если бы мы посвящали несколько минут в день на то, чтобы вдуматься в свои поступки и отношения с людьми, то, возможно, очень приблизились бы к открытию этого; мы заметили бы, каким человеком мы были при встрече с таким-то и таким-то, и кем – уже совсем другим – когда делали то или это. И мы могли бы спросить себя: когда же я был действительно самим собой”⁸.

В самом деле, если мы хотим что-то найти, надо искать, а не сидеть сложа руки. Это же самое относится и к поиску подлинного самоощущения в себе. “Если вы заглянете в самих себя, – продолжает митрополит Антоний, – и решитесь спросить себя, как часто вы поступаете, исходя из самых глубин своей личности, как часто вы выражаете свое истинное «я», то увидите, что это бывает очень редко ... Может быть, никогда, может быть, лишь на долю секунды или до известной степени при особых обстоятельствах, с определенными людьми”⁹.

Человеку так необходимы эти минуты, в которые он остается только наедине с собой, со своим внутренним миром, пытается разобраться, “навести порядок” в себе, разложить на “свои места” все свои представления о жизни, влечения, обязанности, ответственность за близких. “Слишком часто, – еще раз убеждает в необходимости такой самопроверки владыка Антоний, – мы погружены в разные пустяки, которые окружают нас; так вот, в течение этого времени, этих кратких минут сосредоточенности надо оставить все, что не является жизненно важным”¹⁰.

Поэтому митрополит Антоний приглашает каждого к совершенно конкретному шагу, чтобы начать необходимое для встречи с Богом возвращение в себя: “итак, давайте приступим к этому и каждый вечер в течение недели будем молиться такими, очень простыми словами:

«Помоги мне, Боже, освободиться от всего поддельного и найти мое подлинное ‘я’”¹¹.

Преграды и помощь на пути к себе

И здесь человек встречается с первыми искушениями: “в эти пять или десять минут, которые вы можете выделить, – продолжает свою мысль Сурожский митрополит, – а я уверен, что на протяжении дня это может каждый, – вы обнаружите, что нет для вас ничего более скучного, чем остаться наедине с самим собой”¹². В самом деле, если мы обычно живем как бы отраженной жизнью, если и самая жизнь, которая в нас, – вовсе не наша, а жизнь других людей, то собственный наш мир убог и неинтересен даже для нас самих.

И как только человек пытается углубиться в себя, ему становится скучно. Возникает желание “отвлечься”, чтобы внимание было чем-то захвачено, разумеется, – какими-то внешними впечатлениями, – чтобы было интересно. Секунда – и включен телевизор, музыка или открыт развлекательный роман! Как преодолевать это первое препятствие на пути обратно в себя?

Митрополит Антоний не боится ответов честных, может быть, исключаящих надежду на быстрый успех. “Вы рискуете, конечно, в таком случае, что вам будет скучно наедине с самим собой; ну что ж, пусть будет скучно”, – так уверенно можно говорить, если точно знаешь, что за скукой откроется то, что вознаградит упорство! И особенно убедителен он, когда поиск подлинного “я” в глубинах собственной души сравнивает с постепенным раскрытием закрашенной фрески.

Даже если первая встреча с собой разочаровала, “это не означает, что ничего не остается в нас, – обнадеживает он, – потому что в глубине нашего существа мы созданы по образу Божию, и это совлечение всего ненужного очень похоже на расчистку прекрасной древней стеной живописи или картины великого мастера, которую в течение веков, поверх подлинной красоты, созданной мастером, закрашивали лишние вкуса люди. Сначала чем больше расчищаем, тем больше появляется пустоты, и нам кажется, что мы только напортили там, где было хоть несколько красоты; пусть немного, но хоть сколько-то. А затем мы начинаем открывать подлинную красоту, которую великий мастер вложил в свое произведение; мы видим убожество, затем промежуточную путаницу, но в

то же время можем предугадать и подлинную красоту”¹³.

Пустота, которую встретил в себе человек, его пугает. Если он со всей глубиной сможет осознать, что эти нищета и убожество – единственное, чем он реально владеет, а всё внешнее – не его, ему не принадлежит, то он станет искать, что же подлинно наполнит его жизнью, а не призраками жизни. “И тогда мы обнаруживаем, – продолжает владыка Антоний, – что мы такое: убогое существо, которое нуждается в Боге, но нуждается в Нем не для того, чтобы заполнить пустоту, а для того, чтобы встретиться с Ним”¹⁴.

Случайно ли у митрополита Антония подчеркнуто различие между “заполнением” душевной пустоты и встречей с Богом? “Заполнить” пустоту – значит искать радость только для себя, а “встреча” – радость взаимного общения. “Заполнить” бесконечность человеческой глубины невозможно никакими внешними развлечениями и удовольствиями, хотя люди очень спешат “забить” ими хранилища своей души. Но все это оказывается мертвым ненужным грузом. Только встреча с Богом никогда не обесценится в своей трепетности и живой радости, потому что Он – сама Красота и сама Любовь.

Трудно учиться жить собственной, а не чужой жизнью, приходится заставлять себя даже несколько минут побыть наедине с собой. Но на пути обратно к себе человек встречает не только преграды и трудности, он встречает также и то, что неожиданно помогает ему. “Горе и радость, эти два великих дара Божиих, часто бывают моментом встречи с самим собой, когда мы оставляем все свои обезьяньи уловки и становимся неуязвимыми, недостижимыми для всей лжи жизни”¹⁵.

Цель не лгать самому себе, найти в себе подлинное “я”, таким образом, может достигаться разными средствами. Авва Дорофей поучал учеников тотчас обращать лукавые помышления в добрые, как только они посеваются в нас по причине порочности нашей. Лукавыми помышлениями он называл “свои догадки, которым, если верить, то им и конца не будет, и они никогда не попустят душе быть мирною”. Понятно, что речь идет не только о подозрительности, опустошающей душу, но о всякой маске, карикатурно шаржирующей какую-либо социальную функцию, которой человек заслоняет свое подлинное “я”. Чтобы выполнить наставление святого старца и обращать лукавые помышления в добрые, надо со здоровым критицизмом относиться к себе: ко всем догадкам и умозаключениям, а также ко всему своему поведению во взаимоотношении с людьми. Если в душе обнаружались дурные или подозрительные мысли о ком-либо, глупо тут же спешно менять их на

противоположные: “нет, он хороший!”. – Это будет такая же выдумка и необоснованная фантазия. Единственно, что в этой ситуации можно утверждать на все сто процентов: меня занимают подозрения, – а это плохо, от них надо избавляться!

Из всего разнообразия лжи мыслью, то есть ошибочного принятия одной из своих “ролей” в жизни за подлинного себя, маска “подозрительного судьи” распознается легче других. Здесь уже сам факт присутствия в душе смутительных подозрений должен прямо сигнализировать нам, что с нами не все в порядке. Надо исповедать это греховное состояние, попросить у Господа прощения в нем и освобождения от него, а затем в дальнейшем старательно избегать подобного. Но и все другие маски будут распознаны и совлечены, если выполнять то, чему учат святые отцы, и обращаться за помощью к Богу.

“Ложь словом” по авве Дорофею и как к ней относится

Дейл Карнеги

Если ложь мыслью в соответствии с 9-м поучением преподобного аввы Дорофея состоит в непреднамеренной подмене себя подлинного некоей “ролью”, в которой человек хотел бы себя видеть, то ложь словом – это уже сознательное искажение действительности. Поэтому, следуя подходу преподобного Дорофея, можно было бы рассмотреть второго типа лжи озаглавить вопросом: кому ложь выгодна?

Для объяснения, что такое ложь словом, авва Дорофей, естественно, обращается к жизненным реалиям, с которыми постоянно имели дело его ученики, то есть к особенностям быта его монастыря. “А словом лжет тот, – разъясняет он, – кто, например, от уныния поленившись встать на бдение, не говорит: «прости меня, что я поленился встать», но говорит: «у меня был жар, я до крайности утомился работой, не в силах был встать, был нездоров», и говорит десять лживых слов для того, чтобы не сделать одного поклона и не смириться ... Опять, если он пожелает чего-нибудь, то не хочет сказать: «я этого желаю», но все извращает слова свои, говоря: «у меня такая-то болезнь, и это мне нужно; это мне приказано», и лжет до тех пор, пока не удовлетворит своему желанию”.

Авва Дорофей прямо называет три причины, побуждающие людей лгать, которые также являются основой всякого греха. Это, во-первых, сластолюбие, то есть стремление исполнить всякое свое желание; во-вторых, сребролюбие – стремление к приобретению материальных ценностей; и, в-третьих, славолюбие, которое в случае с иноками аввы Дорофея выражалось в нежелании смириться.

Мотивы лжи по авве Дорофею

сластолюбие исполнение желания
сребролюбие приобретение
славолюбие нежелание смириться

Само собой разумеется, что отношение к лжи словом, как и ко всякой лжи, у аввы Дорофея отрицательное. Хотя это и очевидно, об этом приходится напоминать, потому что в мире, окружающем нас, ложь слишком часто возводится в ранг добродетели. Американский “специалист в области человеческих отношений” Дейл Карнеги, например, совсем по-другому трактует то, что авва Дорофей называет ложью словом.

Дейл Карнеги с большим интересом отыскивает мотивы, которыми люди руководствуются в своем поведении. Но, в отличие от аввы Дорофея, он это делает не с целью указать причины лжи, а напротив, с целью воспользоваться человеческими слабостями. Карнеги не прочь поддержать людей в их желании выдать желаемое за действительное, он с готовностью предлагает им именно ту ложь, которой они хотят обманывать себя и других. Разумеется, он это делает не бескорыстно, а с целью извлечь для себя определенную пользу.

Какие мотивы поведения людей выделяют психологи

Вопрос о том, какими мотивами люди руководствуются в своих поступках, особо интересен для Карнеги, поскольку он учит ими пользоваться. В книге “Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей” он перечисляет следующие восемь “основных” желаний:

“Почти каждый нормальный взрослый человек хочет:

- 1) здоровья и сохранения жизни;
- 2) пищи;
- 3) сна;
- 4) денег и вещей, которые можно приобрести за деньги;
- 5) жизни в загробном мире;
- 6) сексуального удовлетворения;
- 7) благополучия своих детей;
- 8) сознания собственной значительности”¹⁶.

Не будучи специалистом ни в психологии, ни тем более в богословии, Карнеги, как мы видим, с легкостью допускает смешение желаний, мотивированных страхом что-то потерять, с желаниями получить удовольствие, которые и наука, и богословие обычно четко разделяют. Возможно, в своей книге, рассчитанной на весьма популярный уровень, он решил не перегружать читателя излишней четкостью определений. Однако если слегка подправить этот недостаток, то получается вполне ясная картина.

К желаниям, мотивированным страхом, из перечисленных им мотивов относятся: желание здоровья и сохранения жизни, которое приходит либо когда человека постигает болезнь, либо по причине страха потерять здоровье и жизнь, – оно обусловлено телесно-биологической природой человека; желание благополучия своим детям обусловлено страхом неблагополучия и связано с эмоциональной сферой души; наконец, желание жизни в загробном мире мотивировано мистическим страхом смерти, являющимся ярко выраженным результатом первородного греха; оно возникает в высшей сфере проявлений человека – на уровне его духа и самосознания.

Те же три сферы человеческой жизни задействованы и в желаниях удовольствия, которое способно приносить удовлетворение реальных или мнимых потребностей человека. К уровню биологического функционирования относится желание сна, пищи, сексуального удовлетворения. К душевно-эмоциональному уровню – желание денег и вещей, которые можно приобрести за деньги. Наконец, к уровню духа и самосознания относится желание сознавать собственную значительность.

Фундаментальная наука и христианская аскетика не считают желания, мотивированные страхом, основными, подлинно руководящими поведением людей. Окружающая жизнь сплошь и рядом показывает, что когда возникает коллизия между ними и желаниями удовольствия, люди легко приносят их в жертву последним. Но Карнеги, как уже было сказано, писал не научное исследование, а руководство, *как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*, ему важны были не только ведущие, но и менее заметные мотивы.

Помимо собственной классификации мотивов человеческого поведения, Карнеги приводит еще два варианта, принадлежащих ученым: психологу Зигмунду Фрейдю и философу Джону Дьюи¹⁷. Мы можем сравнить все эти варианты с тем, какой дает авва Дорофей. Собственно, классификация древнего нравоучителя основана на Новом Завете и соответствует двухтысячелетней христианской традиции: “как всякий грех происходит или от сластолюбия, или от сребролюбия, или от славолубия, так и ложь бывает от этих трех причин”.

Авва Дорофей не рассматривает естественные потребности и мотивы, обусловленные страхом их не осуществить. В его поле зрения – ситуация, когда целью становится не поддержание жизни, а исключительно удовольствие при удовлетворении реальных или надуманных потребностей. Определив три типа страстей, он в точности следует евангелисту Иоанну Богослову: “кто любит мир, в том нет любви Отчей.

Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего” (1Ин 2:15–16). В данном случае библейское понятие *мир* означает совокупность мирового зла. Важно, что и у Евангелиста, и у писателя VII века мы встречаемся с тремя уже знакомыми нам уровнями человеческой жизни: телесный – похоть плоти, сластолюбие; душевно-эмоциональный – похоть очес, сребролюбие; духовно-умственный – гордость житейская, славолубие.

Соотнесение классификаций мотивов поведения, предложенных аввой Дорофеем, Дейлом Карнеги и двумя психологами XX в.

Причины лжи по авве Дорофею Основные желания человека по Карнеги Мотивы, лежащие в основе всех поступков людей по Фрейд
Глубочайшее стремление человеческой природы по Дьюи

Желания, мотивированные страхом потерять:

жизнь, благополучие, здоровье...

духовно-умственный уровень

жизни в загробном мире;

душевно-эмоциональный уровень

благополучия своих детей;

телесно-природный уровень

здоровья и сохранения жизни;

Желание получить удовольствие

телесно-природный уровень сластолюбие сна, пищи; сексуального удовлетворения; сексуальное влечение

душевно-эмоциональный уровень сребролюбие денег и вещей, которые можно приобрести за деньги;

духовно-умственный уровень славолубие сознания собственной значительности желание стать великим желание стать значительным

Зигмунд Фрейд, основатель одного из самых модных направлений психологии XX века – психоанализа – сократил число мотивов, лежащих в основе всех наших поступков, до двух: сексуальное влечение и желание стать великим. А цитируемый Дейлом Карнеги американец Джон Дьюи, один из основателей философии прагматизма, вообще считает самым глубоким стремлением, присущим человеческой природе “желание быть значительным”. “Запомните это выражение: «желание быть значительным», – с нескрываемым торжеством указывает Карнеги. – Это существенно. Вы много прочтете об этом в данной книге”¹⁸.

Самая безотказная “педаль”

Итак, Карнеги нашел страсть, воздействуя на которую, можно

безотказно добиваться искомого им результата. “Почти все желания удовлетворяются, – замечает он, – все, кроме одного. Одно желание, почти столь же сильное и властное, как желание пищи и сна, редко осуществляется. Это то, что Фрейд называет «желанием быть великим», а Дьюи – «желанием стать значительным”¹⁹.

Обычно Карнеги все свои утверждения иллюстрирует примерами из жизни бизнесменов и президентов. Чтобы подчеркнуть силу этого желания, он обращается к аргументу, хотя неожиданному, но очень точно соответствующему учению о страстях христианской аскетики, о чем он едва ли подозревал сам. Карнеги показывает, к чему может привести страсть “быть великим”, если человек не сможет смириться с ее неосуществимостью. Он говорит о душевнобольных:

“В общем, ненормальные люди счастливее нас с вами. Многим из них нравится быть ненормальными. А почему бы и нет? Они разрешили все свои проблемы. Они выпишут вам чек на миллион долларов или дадут рекомендательное письмо к Ага-хану. В созданном ими мире грез они обретают сознание значительности, которого столь страстно желали”²⁰.

Если всерьез отнестись к этим строкам Дейла Карнеги, не лишенным традиционно грубоватого американского юмора, то причиной помешательства он однозначно считает все ту же неутоленную гордыню. Помимо спорного тезиса о безмятежном счастье помутившихся рассудком людей он как американец делает из этого весьма оптимистичный вывод: “если некоторые так жаждут подобного сознания, что действительно сходят с ума, чтобы обрести его, то представьте себе, каких удивительных вещей мы с вами можем достичь, давая людям подлинное понимание этой стороны безумия”²¹.

Как мы видим, не желание предостеречь своих читателей от столь печального исхода и не сострадание к несчастным душевнобольным побудило его вспомнить о них. Карнеги совсем не скрывает своего рода особое удовольствие от того, что этой страстью можно легко манипулировать, он даже готов поделиться этим удовольствием с читателями. Однако приведенный им факт наводит и на серьезные размышления.

Потерявшие рассудок люди, как утверждает Карнеги, живут в “созданном ими мире грез”, что очень похоже на правду. Но в “мире грез” живут не только пациенты психиатров. В соответствии с христианским нравственно-аскетическим учением все, кто потерял свое собственное “я”, растворившись своими желаниями, страстями, подозрениями и представлениями в том, что вокруг, а не в них, – все обманывают себя. Где

же тогда кончается душевное здоровье и начинается болезнь? И кого в таком случае можно считать здоровым... Все это очень точно соответствует учению святых отцов Церкви о грехе как болезни человеческого духа: человек рождается зараженным этой болезнью, но от него самого зависит, позволяет ли он развиваться и прогрессировать греховной болезни в своей душе.

Во лжи обвиняется современная цивилизация

Карнеги без всякого смущения учил Америку оказывать влияние на людей и в качестве рычагов и педалей управления использовать их страсти, и прежде всего – гордость и тщеславие. Но порой его откровенность все же переходит все границы: “каждое лето я езжу в Мэн на рыбную ловлю. Я лично очень люблю землянику со сливками, но обнаружил, что по какой-то странной причине рыба предпочитает червей.

Поэтому когда я еду на рыбалку, то не думаю о том, чего сам хочу. Я думаю о том, чего хочет рыба. Я не насаживаю на крючок в качестве приманки землянику со сливками, а подманиваю рыбу червяком или кузнечиком, говоря: «Не хочешь ли попробовать?». Почему бы нам не поступать столь же разумно, чтобы привлечь к себе людей?»²².

Может показаться, что Карнеги очень рискует, когда привлечение к себе людей сравнивает с приманиванием рыбы на удочку, – ведь читатели могут обидеться! Однако ничуть не бывало! Он все рассчитал. Зная человеческое свойство оценивать себя завышенно, он не боится сравнивать с рыбалкой завоевание друзей... на свой крючок. Не боится, потому что уверен, что каждый его читатель, отыскивающий затаив дыхание секреты влияния на людей, конечно же, отождествит себя не с рыбой, а с рыболовом, и ему будет втайне приятно встретить такое сравнение. Будучи сам таким, Карнеги уверен, что каждый человек думает и чувствует так же. И уж можно быть уверенным, что на его крючок будет насажен не кузнечик и даже не земляника со сливками, а льстивые слова и комплименты, которые всегда найдут отклик в душе тщеславного человека...

Конечно можно долго критиковать такой подход к людям, приравнивающий их к глупой рыбе, которая попадает на удочку. Можно, напротив, оставить последнее высказывание Карнеги “без комментариев” как полное саморазоблачение. Но мы поступим по-другому. За оценкой позиции Карнеги мы обратимся к другому американцу, психологу Эверетту Шострому, который дал своей книге весьма недвусмысленное название: “Анти-Карнеги, или человек-манипулятор”.

Под манипулятором обычно подразумевают либо механизм для перемещения изделий или предметов, работающий, как правило, в экстремальных условиях, где человек не может находиться, например, в зоне повышенной радиации, либо фокусника в цирке. Изначально манипуляция – это движение рук (от лат. *manipulus* ‘горсть’). Шостром критикует Карнеги за то, что разработанный им шаблон поведения превращает человека в механизм, запрограммированный на определенные функции. “Манипулятор, – иронично замечает Шостром, – видит жизнь как крысиные бега”²³. Этим Шостром хочет сказать, что вместо того, чтобы жить собственной жизнью, манипулятор все время “делает ставки” в выдуманной им игре и пытается управлять ее исходом.

Эверетт Шостром выносит прямо-таки беспощадный приговор современной культуре человеческих отношений, коренящейся в западно-европейской и американской цивилизации: “Современный человек – это манипулятор, кем бы он ни был – продавцом автомобилей, уговаривающим нас совершить покупку, отцом ли пятнадцатилетнего сына, уверенным в том, что он, и только он, знает, какую карьеру следует делать сыну; подростком ли, обрабатывающим взрослых ради 200-долларовых часов, или мужем, скрывающим свою зарплату от жены... Манипуляторов – легион. В каждом из нас живет манипулятор, который бесконечно применяет всяческие фальшивые трюки с тем, чтобы добиться для себя того или иного блага”²⁴.

Как мы видим, манипулятором Шостром называет всякого, кто пытается исподволь управлять другими, добивается от них чего-то, что ему нужно, да так, чтобы они были уверены, что делают это исключительно по собственному желанию. Во всех четырех примерах, приведенных Шостромом, общим признаком является личная корыстная цель, которую преследует человек-“манипулятор”. Он хочет получить для себя какую-то выгоду, какое-то благо. Это и делает человека манипулятором.

Как человек превращается в манипулятора

Эверетт Шостром предлагает свою типологию причин манипуляции. Конечно, все, что он называет, в гораздо более тонкой и детальной разработке имеется в аскетических трудах Святых отцов христианской традиции. Тем более интересно посмотреть, как ученый-психолог середины XX века интерпретирует типы болезней человеческого духа.

Всего Шостром насчитывает пять основных причин, заставляющих людей манипулировать друг другом. При этом, управляя людьми как вещами, и сами манипуляторы неизбежно превращаются в роботов.

Поэтому все пять причин обозначены Шостромом с целью отыскать выход из ситуации, в которой человек становится рабом самого себя.

Причина, которую Шостром называет первой – недоверие к себе и другим²⁵, приводящее к постоянному стремлению контролировать и управлять ситуацией. На языке христианской традиции такое состояние человека обычно определяется как недоверие к Богу, неверие в Его заботу о человеке и мире. Возможно ли в этом случае перестать быть манипулятором? Если это христианин, то ему необходимо положиться на Бога и довериться Его Промыслу. А что остается агностику, не знающему Бога, который, реалистично оценивая других и себя, не видит ни в ком оснований для доверия? Как в этом случае ему перестать контролировать ситуацию и управлять ею? Поистине, чтобы это сделать, у него остается один выход – стать верующим...

Вторая причина манипуляций, названная Шостромом – подмена любви, которую заслужить непросто, – властью, которую можно завоевать насильно²⁶. Шостром говорит, что заслужить любовь нам мешает лжепостулат, что чем мы лучше, чем совершеннее, тем достойнее любви. При провале этой ложной установки появляется стремление подменить недостигнутое отношение любви к себе со стороны другого человека полным подчинением его себе, превращением его в свою вещь; то есть подмена любви властью. Это значит, что если нам трудно на самом деле стать лучше, мы стараемся поднять себя хотя бы в собственных глазах: мы согласны вместо признания-любви принимать признание-подчинение.

Каким понятием передается в библейском мышлении и языке христианской традиции это негативное состояние? Это – гордыня в сочетании с уверенностью, что чем более я превозношусь, тем более достоин любви, в то время как все обстоит полностью наоборот – чем более человек смиряется, то есть признается в собственном несовершенстве, тем более он симпатичен людям. Поэтому христианину для того, чтобы в этой ситуации отказаться от манипуляций, требуется, во-первых, самому себе признаться в собственных слабостях и несоответствии своему призванию. Во-вторых он должен выполнить евангельскую заповедь о нищете духовной (Мф 5:3), то есть, реалистично признав все свое несовершенство перед Богом, просить Его только о милости и снисхождении. Что касается агностика, то ему остается лишь последовать совету Шострома и признаваться в собственных человеческих слабостях, если только это осуществимо...

Третья причина относится к манипулированию людьми путем демонстрации своей пассивности. Здесь причина в чувстве беспомощности

перед жизненными проблемами²⁷. Человек переживает острую обиду на весь мир, когда ощущает собственную немощь; в результате, выражая своего рода протест, он отказывается от активного участия во всех своих проблемах. Именно неконтролируемый всплеск такого состояния – причина большинства самоубийств. С христианской точки зрения – это перекладывание ответственности с себя на других; обвинение в своей неудаче всех, включая Бога, – только не себя самого. Христианину, оказавшемуся в подобном состоянии, необходимо побороть малодушие прямой просьбой к Богу, может быть, из глубин отчаяния, чтобы Он вошел в эту безвыходную ситуацию и Сам ее разрешил. Неверующему не остается ничего другого, как перестать чувствовать свою беспомощность, несмотря на риск и неопределенность, окружающие его со всех сторон. Но возможно ли это?

Четвертой причиной манипуляций Шостром называет страх межличностных контактов и стремление уклониться от открытого общения²⁸. Человек пытается скрыть себя подлинного под маской любых наигранных эмоций, он прячется за этикетом или распространенными шаблонами поведения. Он никому не может довериться, его страшит затруднительное положение, потому что оно показывает его беспомощным и открытым взору всех. В людях он видит только источник агрессии, ему не приходит в голову, что в каждом из них присутствует образ Божий, какой он ощущает в себе; во всем мире кроме собственной персоны он ни в ком не видит цели, а только средство для достижения комфорта. На языке христианской библейской традиции такое греховное состояние называется гордыней; ей сопутствуют глубочайшее одиночество и отчужденность.

Причина манипуляции по Шострому В чем манипуляция состоит Соответствующее понятие в христианской традиции Что требуется, чтобы отказаться от манипулирования, превращающего самого человека в “робота”

агностику христианину

1. Недоверие к себе и к другим Контроль и попытка управлять другими Недоверие к Богу, неверие в Его заботу о человеке и мире Отказаться от управления ситуацией Положиться на Бога и довериться Его Промыслу

2. Желание быть любимым; лжепостулат: чем я лучше, тем более заслуживаю любви Стремление подчинить себе другого, если не удастся достичь его любви Гордыня в сочетании с уверенностью: чем более я превозношусь, тем более достоин любви Признаваться в собственных

человеческих слабостях Смириться, то есть реалистично признать все свое несовершенство перед Богом

3. Чувство беспомощности перед жизненными проблемами Обида за свою беспомощность на весь мир и полный отказ от активности Перекалывание ответственности на других; обвинение всех (включая Бога) в своей неудаче Не думать о своей беспомощности, несмотря на риск и неопределенность Побороть малодушие прямой просьбой к Богу

4. Страх затруднительного положения; боязнь тесных межличностных отношений Закрытое общение: попытка скрыться под маской наигранных эмоций Лицемерие, за которым стоит недоверие всем людям и глубочайшее одиночество гордыни Перестать бояться оказаться в затруднительном положении перед людьми Искать причину своего страха людей в недостаточной любви и доверии Богу

5. Стремление получить одобрение всех и каждого Манипулирование во взаимоотношениях с людьми с целью добиться от них одобрения Тщеславие, стремление постоянно получать приятное чувство одобрения, признания, славы Стать равнодушным к тому, как ко мне относятся окружающие люди Искать радости не в одобрении людей, но в межличностных отношениях с Богом

Христианину, если он обнаружил себя в подобном греховном состоянии, следует причину своего страха людей искать в недостаточной любви к Богу и доверии Ему; признать, что каждого человека Бог любит бесконечной крестной любовью, такой же как и его. Агностик же для того, чтобы покончить с манипулированием, если его причина в этом, должен, по совету Шострома, просто в один прекрасный момент перестать скрывать от людей свое затруднительное положение. Но откуда взять мужество?

Пятой причиной манипуляции Шостром называет стремление получить одобрение всех и каждого²⁹. Одобрение требуется для того, чтобы заполнить отсутствие внутренней уверенности в правильности своих поступков и вообще своего состояния. Поэтому человек в своих взаимоотношениях с людьми всеми способами стремится добиться от них одобрения. Христианская традиция подобное состояние называет тщеславием, стремлением постоянно получать приятное чувство признания, славы от максимально большего числа людей.

Христианину при подобных искушениях, следует вспомнить евангельские слова: “Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?” (Ин 5:44). Радость – не в одобрении людей, но в подлинных личностных отношениях

с Богом, и надо искать встречи с Ним как с любящей Личностью. Для агностика самое большее, что может предложить Шостром, – это равнодушие к тому, как к нему относятся окружающие.

Рыночные отношения делают человека вещью

Рыночные отношения создала сама жизнь. Людям свойственно искать пути удовлетворения своих потребностей, причем человек не в состоянии реализовать их один, без помощи других людей. Условия нашей жизни определяются тем, что человеческая природа повреждена первородным грехом. Поэтому в основе общепринятых отношений может лежать одно из двух: либо человек решает свои проблемы за счет других и в ущерб другим, либо – на взаимовыгодных условиях. В нашем мире, “лежащем во зле” (1Ин 5:19), единственной реальной альтернативой рынку, таким образом, остается только насилие и полное подавление человеческого достоинства в других. Понятно, какой выбор сделает человек, если в нем не слишком развиты уголовные наклонности, – он выберет Рынок.

Однако и Рынок – это далеко не лучший вариант решения всех проблем человеческого рода. Это, так сказать, наименьшее зло в ситуации отказа от активной борьбы с корнем зла – человеческой греховностью. Развившись из простой взаимопомощи людей, выгодной всем, из обмена самым необходимым, рыночные отношения сегодня выросли в гигантскую машину, приводящую в непрерывное движение весь земной шар. Всё включено в непрекращающееся взаимодействие: производство, торговля, банки, законы, правительства, мода, развлечения... Каждый человек неизбежно становится маленьким винтиком в этой всемирной машине и выполняет в ней ту или иную функцию. Никто из людей не в силах остановить хода этого гигантского монстра, а объединиться всем вместе против него невозможно, поскольку греховность воли каждого препятствует общему единодушию. Бездушная машина экономики превращает богоподобную личность человека всего лишь в функциональную деталь глобального мертвого механизма.

В условиях рынка взаимоотношения людей неизбежно теряют личностный характер и каждый человек из индивидуальности становится безликим “потребителем”, поскольку любая функция в тотальной экономике в конечном итоге сводится к оплате труда и приобретению за деньги всего необходимого для жизни. Эверетт Шостром остро осознает эту трагедию человечества: “Главная задача рынка, – прямо говорит он, – добиться от людей того, чтобы они были вещами! И – небезуспешно. В условиях рынка человек уже не столько человек, сколько потребитель. Для торговца он – покупатель. Для портного – костюм. Для коммивояжера –

банковский счет”³⁰.

Машина рыночных отношений сумела сделать своим приводным ремнем также и саму человеческую индивидуальность. Люди ведь все равно остаются людьми, каждый хочет остаться личностью, единственной и неповторимой. Люди протестуют против обезличивающего их рынка. И здесь за дело принимается уже Реклама. Суть рекламы в том, чтобы задеть в нас какие-то личностные струнки, говоря языком Карнеги, найти приманку, чтобы подцепить на свой крючок. Срабатывают те самые восемь желаний, которые подметил Карнеги. “Я не хочу быть «головой» у моего парикмахера, – возмущается автор “Анти-Карнеги”, – я хочу везде и всюду быть Эвереттом Шостромом – цельной личностью. Мы все хотим быть особенными, – констатирует он, – когда попадаемся на крючок коммерческой мысли, которая стремится разрушить до основания именно нашу «особенность”³¹. Очаровательная прокрадывающаяся в душу рекламная улыбка прикрывает все ту же холодную сталь экономической машины, обезличивающей нас и манипулирующей нашими страстями как собственными шестеренками.

Бизнесмен неизбежно перестает замечать в человеке личность, он видит в нем лишь средство для делания денег. Возможно ли в условиях рынка добиться значительного успеха в бизнесе без манипулирования людьми как вещами? Реальность жизни скорее свидетельствует об обратном. Шостром видит главную трагедию современности в том, что “... бизнес – это один из могущественных институтов американской культуры, а манипуляции – привычный способ для любого бизнесмена добиться успеха”³².

Но может быть, не все так мрачно? Ведь надо еще разобраться: “Законы бизнеса и личной жизни различны, и может быть, то, что плохо в отношениях между близкими людьми, хорошо для бизнесменов?” – пытается не упустить последнюю надежду Шостром. И приходит к неутешительному выводу: “Мы знаем, что манипуляции опасны и разрушительны для межличностных отношений .. Вспомним, что манипулятор относится к людям как к вещам, но и сам при этом становится вещью”³³. И уже как врач он свидетельствует: “многие примеры для этой книги мне подарили бизнесмены, которые искали у меня помощи при решении проблем их личной жизни. Это не случайно – по большей части бизнесмены, крайне благополучные в делах, оказывались столь же неблагополучными в личной жизни. Будучи ловкими дельцами, они были беззащитными перед проблемами семейными или в общении с друзьями”³⁴.

Как же все-таки в условиях рыночной психологии разрешать противоречие между бизнесом, манипулирующим личностью, и стремлением к подлинно личностным отношениям, которое заложено Богом в нашу природу? Шостром сознается, что, являясь директором института, он и сам – бизнесмен, и по сути дела уклоняется от ответа: “с одной стороны, американский образ жизни и ныне действующая мораль предлагают нам быть настойчивыми и агрессивными и убирать конкурентов со своего пути. С другой стороны, деятели церкви внушают нам смирение, любовь к ближнему, которая куда важнее и человечнее конкуренции. Современный манипулятор глубоко чувствует это противоречие”³⁵.

Ответ на этот вопрос, естественно, надо искать не у современных “пророков” или обличителей американского образа жизни, а в Евангелии. Нагорная проповедь Христа ставит все на свои места: “никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне” (Мф 6:24). “Маммона”, запоминающееся арамейское слово, оставленное без перевода во всех языках, на которые переведен Новый Завет, означает обожествленное богатство, страсть к накопительству. Сегодня маммоной можно было бы назвать и всемирную экономическую систему, превращающую людей в своих покорных рабов.

Христианин служит одному Богу, поэтому идет наперекор системе, требующей от него включиться в тотальную цепь манипуляций людьми. Кем бы он ни был, чем бы ни занимался, к каждому человеку он относится как к бесконечно любимому Богом, любимому настолько, что именно за него Сын Божий предал Себя на смерть. Поэтому, если он бизнесмен и оказался перед дилеммой, перед которой рано или поздно должен был оказаться: поступить ли как обычная “капиталистическая акула”, или себе в убыток остаться человеком – он не будет раздумывать. Он служит Богу, а не маммоне.

Игра на струнках тщеславия

Собственное открытие главной страсти в человеке, “безотказной педали”, которая всегда срабатывает, Дейл Карнеги подает своим читателям очень эффектно: “существует один важнейший закон человеческого поведения. Подчиняясь этому закону, мы почти никогда не попадаем в беду. Фактически этот закон при условии его соблюдения приносит нам бесчисленных друзей и неизменное счастье. Но стоит нам нарушить его, и мы тут же навлечем на себя бесконечные беды. Закон этот таков: всегда внушайте своему собеседнику сознание его

значительности”³⁶.

“Закон” Карнеги между тем подает повод к размышлению. Если человек хочет стать “значительным” или жаждет, чтобы его “оценили по достоинству”, то удовлетворен ли он тем, как люди к нему относятся сейчас? Понятно, что нет. Но вся беда в том, что он никогда (!) не удовлетворится, как бы его ни превозносили. Такова богоподобная душа человека, которая остается пустой, сколько бы и чем бы ее ни наполняли. Она – настолько необъятноеместилище, что только Бог может заполнить ее всю до конца, совсем, не оставив пустоты. Уже на основании одного этого мы должны были бы сделать решительный для себя вывод: оставить поиск славы от людей и искать славы, которая от Бога (Ин 5:44).

Дейл Карнеги продолжает апологию открытого им “закона”, обращаясь к авторитету американских философов и психологов: “профессор Джон Дьюи, как мы уже отмечали, говорил, что глубочайшим стремлением, присущим человеческой природе, является желание быть значительным, а профессор Уильям Джеймс утверждает: «Глубочайшим свойством людей является страстное стремление быть оцененными по достоинству». Как я уже указывал, именно это стремление отличает нас от животных. Именно оно лежит в основе самой цивилизации”³⁷.

По-видимому, Карнеги все же не делает различия между *быть значительным* и *быть оцененным по достоинству*. Невольно возникает еще один вопрос: можно ли это считать одним и тем же? Стремление выглядеть более значительным в глазах других, то есть быть высоко оцененным ими (и даже выглядеть значительным в своих собственных глазах) и стремление стать действительно иным, стать на самом деле лучше, – это одно и то же или нет? Безусловно, разница между *быть* и *казаться* весьма существенна. Но для Карнеги вопрос стоит совсем не так. Ему совершенно не важна реальная значительность тех, кому он собирается делать комплименты. Важно воспользоваться их желанием быть высоко оцененными, чтобы получить ответное расположение. Так он пользуется тем, что, по его словам, лежит в основе самой цивилизации.

И все же что заставляет человека, не удовлетворяясь тем, какое значение другие придают ему сейчас, как они оценивают его, стремиться к тому, чтобы они его ценили еще выше и придавали ему еще большее значение? На языке христианской традиции это стремление называется тщеславием. “Значительным” можно быть только в сравнении с чем-то незначительным. Если человек хочет, чтобы его признавали таковым, это значит, что он стремится выделиться на фоне остальных. В основе желания быть “значительным”, таким образом, лежит не только

тщеславие, но и эгоизм.

Вести беседу или контролировать разговор?

И вот Карнеги учит, как надо обращаться с такими “объектами”, желающими быть значительными, чтобы завоевать их дружбу: “поэтому, если вы стремитесь быть хорошим собеседником, будьте внимательным слушателем. Как утверждает супруга Чарльза Нортхема Ли, «чтобы быть интересным, нужно быть заинтересованным»³⁸. Но что же в этом плохого? – возразит всякий, и будет совершенно прав. Умение слушать, быть “внимательным слушателем”, действительно необходимо для подлинного межличностного контакта. В какой же момент Карнеги с этой бесспорно правильной позиции соскальзывает на путь манипуляций, препятствующих искреннему общению людей?

“Задавайте вопросы, на которые другому человеку приятно будет отвечать, – продолжает он. – Поощряйте его к тому, чтобы он рассказывал о себе и о своих достижениях”³⁹. Эта корректировка беседы, которой учит Карнеги, проводимая, чтобы “понравиться людям”, – уже прямая манипуляция! Да это и никакая не беседа! Это – подзадориваемый манипулятором монолог лишь одного ее участника, который упоен собой и слышит одного себя. А сам манипулятор в глубине души может потирать руки от удовольствия и потихоньку над ним посмеивается. Ведь не для того он “разогрел” своего собеседника, чтобы действительно слушать его самовлюбленный бред – он просто “завоевывает” себе очередного “друга”, который ему может пригодиться.

Ну а после этого Карнеги с еще большей откровенностью сознается, что, собственно, он думает о тех, с кем приходится вести такого рода беседы. Кому-то, безусловно, его откровенность покажется граничащей с цинизмом: “помните, что человека, с которым вы разговариваете, в сто раз больше интересует он сам, его нужды и его проблемы, чем вы и ваши проблемы. Его зубная боль имеет для него большее значение, чем голод в Китае, от которого умирает миллион людей. Фурункул у него на шее интересует его больше, чем сорок землетрясений в Африке. Подумайте об этом в следующий раз, когда вы вступите в беседу. Итак, если вы хотите понравиться людям, соблюдайте правило: будьте хорошим слушателем. Поощряйте других говорить о самих себе”⁴⁰.

Это – наиболее уязвимый момент в “наставлениях” Дейла Карнеги; критики, как правило, замечают его в первую очередь. Российские психологи В. П. Зинченко и Ю. М. Жуков, представляя соотечественникам книгу американского “знатока человеческих отношений”, позволили себе заметить: “система «правил Карнеги» содержит в себе неувязки, а иной

раз самые настоящие противоречия. Попытка следовать всем правилам сразу может оказаться неудачной. Попробуйте одновременно реализовать принцип «будь искренен в выражении своих чувств» и принцип «веди разговор в русле интересов собеседника» в случае, когда интересы собеседника вам неинтересны, – здесь явное противоречие”⁴¹.

Эверетт Шостром в отличие от них критикует не формальные противоречия в правилах Карнеги, а то, к чему ведут его советы. А ведут они к замене личного контакта его бессмысленной имитацией, которая на деле еще глубже отчуждает людей друг от друга. “Истинный личный контакт невозможен без риска”⁴², – заявляет Шостром.

Чем же “рискует” человек, когда сознательно допускает в свою душу другого и ожидает взаимности? Он знает, что другой, будучи свободной личностью, может принять, а может отвергнуть его и глубоко ранить его незащищенное, исполненное открытости сердце. Манипулятор, напротив, боясь риска, даже и не пытается вступить в межличностное общение, но обходится поверхностным разговором “о погоде”. Он уходит от риска быть отринутым, но одновременно лишает себя встречи с другим лицом к лицу. Едва ли мелкое самодовольство манипулятора может быть полноценной заменой радости, которую приносит взаимное глубоко личностное узнавание людей, условие которого – полностью открытый контакт.

Шостром поэтому и говорит, что “манипулятор, который предпочитает не рисковать, вполне обходится полуконтактами. Куда удобнее, думается ему, контролировать окружающих, чем взаимодействовать с ними. Поэтому он не вступает в беседу, а контролирует ее”. Шостром очень точно подмечает, чем, собственно, занят манипулятор, когда ведет разговор: “он должен выбрать тему разговора, потом оценить расклад сил, то есть в процессе беседы он скорее оценивает происходящее, чем слушает. Он не пытается понять, зато всеми силами стремится убедить. Если аудитория по каким-либо причинам ему не подходит, он уйдет от контакта веками протоптанной дорожкой, то есть ограничит разговор общепринятыми фразами на «безопасные темы», например замечаниями о погоде”⁴³.

Искренняя лесть или льстивая искренность?

При всех недвусмысленных наставлениях о том, как завоевывать друзей манипулятивными комплиментами, Карнеги отдает себе отчет в том, на что он покушается. Истина – ценность “номер один” христианства, которая за две тысячи лет глубоко укоренилась в мироощущении людей. Европейская культура хотя бы в подсознательных основах пока еще остается христианской, и человек, к ней принадлежащий, никогда не

скажет прямо в лоб, что лесть и неискренность – это хорошо, а правдивость – плохо.

И Карнеги не может с этим не считаться. О, он тоже горячо осуждает лесть! “Лесть – это фальшь и, подобно фальшивым деньгам, которые вы попытались бы сбыть, может в конце концов довести до беды”⁴⁴, – разъясняет он пагубность этого порока на языке, хорошо понятном его читателям-бизнесменам. А что касается его собственных советов, как завоевывать друзей, то на этот счет у него припасена концепция, не лишенная правдоподобия даже в свете строгой христианской морали. То, что на первый взгляд кажется лестью, может оказаться еще какой добродетелью! Все приемы “нравиться людям”, которые Карнеги выводит в своей книге, он представляет в качестве законного “признания достоинств” в окружающих.

“В чем разница между признанием достоинств и лестью? – спрашивает он и тут же спешит объяснить: – на этот вопрос легко ответить. Признание искренне, а лесть лицемерна. Первое исходит от сердца, вторая – только из уст. Первое бескорыстно, вторая же эгоистична. Первым все восхищаются, вторую все осуждают ... Нет! Нет! Нет! – трижды отрекается он от малейшей склонности к лести, – я вовсе не рекомендую вам прибегать к лести. Ничуть. Я веду речь о новом образе жизни. Позвольте мне повториться. Я веду речь о новом образе жизни”⁴⁵.

Прежде чем рассмотреть новый образ жизни, проповедуемый Карнеги, имеет смысл выяснить вопрос о лести и “признании достоинств”. Если мы зададимся вопросом, с какой целью люди прибегают к лести, то должны будем ответить: чтобы от этого получить какую-то выгоду, которая может выражаться в самых неожиданных формах. Но давайте чуть разовьем собственную мысль Карнеги, который приравнивает лесть к фальшивым деньгам. К чему, в таком случае, можно приравнять “признание достоинства”? В его системе мышления признание достоинств сравнивать больше не с чем, как только тоже с денежными знаками, но только не фальшивыми, а по праву находящимся в обороте, за которые смело можно покупать все, что хочешь. Но, как известно, деньги для человека представляют ценность не сами по себе, а потому, что в обмен на них мы получаем необходимый товар. Значит, за “бескорыстным” признанием достоинства все-таки притаилась мысль о товаре, какая-то определенно меркантильная цель!

Лукавство здесь в том, что признак, по которому Карнеги проводит сравнение между лестью и признанием достоинства, – это всего лишь степень искренности того и другого. Если же сравнить их с точки зрения

побуждения, с которым делается то и другое, то различие между ними исчезнет. Какая разница между грубой лестью и “бескорыстным” признанием достоинства, если в обоих случаях за ними стоят неискренние мотивы! Можно ли называть бескорыстными пусть даже заслуженные комплименты, если человек их делает, не раскрывая полностью себя другому, оставляя в глубине себя расчеты на расположение и дружбу того, кому он говорит приятные слова?

Уже приводившиеся выше российские критики Дейла Карнеги В. П. Зинченко и Ю. М. Жуков здесь встают на защиту позиций теоретика американского образа жизни: “нередко Карнеги обвиняют в том, что он учит людей искусству делать комплименты, науке изощренной лести. Данные обвинения зиждятся на неправильном понимании пафоса книги, – возражают авторы предисловия к ее русскому изданию. – То, о чем ведет речь Карнеги, на современном языке называют наградой, а не комплиментом. Комплимент есть незаслуженная похвала, а награда – похвала заслуженная. Нет ничего легче, чем научиться дежурным комплиментом, говоря женщинам, что они хорошо выглядят, а мужчинам – что они умны. Для того, чтобы поступать так, можно не видеть другого человека и не слушать его. Умение же награждать основано на внимании к другому человеку, потому что во внешности, поведении и словах другого человека надо найти и отметить то, что действительно достойно похвалы...”⁴⁶.

Никто не спорит, хочется ответить уважаемым российским психологам, всегда можно найти, что похвалить. Но вот вопрос – что побуждает раздавать как комплименты, так и награды? Не собственная ли выгода, не какая-нибудь припасенная про запас манипулятивная цель? Так что разница между комплиментом и наградой – это все равно разница между грубой и утонченной лестью. Что уж тут таить грех – надо называть вещи своими именами.

“Новый образ жизни”

Теперь пришла пора вернуться к тому “новому образу жизни”, подаренному Дейлом Карнеги американцам, который теперь является одной из составляющих американизации, интенсивно ведущейся в пределах бывшей страны Советов. Понятно, что “карнегизация всей страны” (выражение московских издателей книги Шострома) – не самое худшее, что она несет с собой. А, кстати, тот же Эверетт Шостром как врач и психолог уже в достаточной мере видел плоды этого нового образа жизни, приводящего человека к глубочайшему одиночеству и полному отчуждению от всех.

“Новый образ жизни Карнеги” несет с собой прежде всего легкость и комфортность в общении. “Манипуляторы, привыкшие считать окружающих марионетками, – объясняет природу этой раскованности Шостром, – не испытывают особых сложностей в установлении контакта. «Следует только дернуть за ту или иную веревочку, – думают они, – и контакт с этим человеком установлен”⁴⁷. Но мы уже имели возможность убедиться, какова действительная ценность такого “контакта”. “Новый образ жизни” по Карнеги – это закрытое манипулятивное общение с людьми, в котором самой ходовой “валютой” становится “признание достоинства”; с точки же зрения мотивов и конечных целей оно ничем не отличается от грубой лести.

Манипулятор совершает трагическую ошибку, когда подлинное личностное общение он подменяет игрой на тщеславии и других человеческих страстях. Он не принимает участия в жизни другого человека, которое может обогатить его собственную жизнь новым содержанием любви и ответственности. Установленный им контакт не становится подлинным событием его жизни. Манипулятор только наблюдает со стороны, как реагирует на “потягивание” тех или иных “нитей” души тот, кем он пытается управлять как предметом, хотя и одушевленным. И в конце концов он остается в полном и безнадежном одиночестве, мучительном от того, что в себе самом он уже окончательно потерял все пути к душе другого.

“Новый образ жизни”, к которому призывает Карнеги, – это жизнь, лишенная глубокого личностного общения людей, наполненная бесконечным расчитыванием каждого своего шага для того, чтобы скрыть свои подлинные цели и незаметно для окружающих превратить их в послушных исполнителей своей воли.

В середине 50-х годов XX столетия американский философ и психолог действительно первой величины – Эрих Фромм – предупреждал: “сегодня человек стоит перед самым главным выбором: это выбор не между капитализмом и коммунизмом, а между роботизмом (как в его капиталистической, так и коммунистической форме) и гуманистическим коммунитарным социализмом”⁴⁸. “В XIX в., – поясняет он, – бесчеловечность означала жестокость, в XX она означает шизоидное самоотчуждение. В прошлом опасность состояла в том, что люди становились рабами. Опасность будущего в том, что люди могут стать роботами. Правда, роботы не восстанут. Однако если им придать человеческий характер, то они не могут жить и оставаться здоровыми ... они разрушают свой мир и самих себя, так как более не могут выносить

бессмысленную скуку”⁴⁹. Заключение Эриха Фромма пессимистично: “множество фактов свидетельствуют о том, что человек, по-видимому, выбирает роботизм, а это означает в конечном итоге безумие и разрушение”. Увы, сегодня мы уже видим, как сбываются худшие прогнозы Фромма.

Принцип жизни – двойственность и лукавство

Авва Дорофей называл “ложью словом” всякое сознательное искажение действительности, которое делается с целью, подчас как будто даже благовидной. “Ложь словом” он противопоставлял “лжи мыслию” – непреднамеренному самообману, когда человек принимает желаемое за действительное, и “лжи жизнью” – циничному пороку, прикрывающемуся добродетелью.

До сих пор “ложь словом” мы рассматривали в основном в варианте льстивого внушения людям сознания их значительности⁵⁰. Но в жизни можно встретить необычайно пестрое многообразие подобной лжи, конечная цель которой всегда – обходиться с людьми как с марионетками кукольного театра. Поскольку вопрос о типологии манипуляторов в свое время основательно занимал Эверетта Шострома, то мы и обратимся к нему как признанному эксперту.

Основные типы манипуляторов Эверетт Шостром разбил на четыре группы – по два противоположных типа поведения в каждой⁵¹. Хотя, если внимательней рассмотреть стержневые пороки, вокруг которых объединены четыре группы, то их можно еще сократить до двух. В одной прямое насилие противопоставляется манипулятивным изощрениям для достижения тех же эгоистических целей. В другой недоверие и подозрительность к людям противопоставляются завышенной оценке собственной значимости для окружающих.

Первая группа Шострома: *Диктатор – Тряпка*. Диктатор пытается добиться своего путем прямого насилия и подчинения себе. Он властолюбив, дерзок и стремится всегда повелевать. В открытых личностных контактах он видит угрозу потери своей власти, именно этот страх делает его диктатором. Его противоположность Тряпка малодушен, также боится искренности, поэтому стремится добиваться своих эгоистических целей не напрямую, а путем различных манипуляций.

Вторая группа: *Калькулятор – Прилипала*. Калькулятор – тот, кто все время следит за другими. К контролю над всеми Калькулятора побуждают: недоверие, подозрительность и страх, развившиеся из его глубокого эгоцентризма. Его противоположность Прилипала не страдает страхом перед людьми, зато у него все из того же глубокого эгоизма развилось

потребительское отношение к ним, стремление жить за счет других; он манипулирует чувством жалости людей, стремится стать предметом забот окружающих.

Собственно, из четырех групп Шострома две следующие – это разновидности двух первых. Разновидностью антиподов *Диктатор – Тряпка* является третья группа: *Хулиган – Славный Парень*. Хулиган пытается достичь своих целей путем агрессии и прямого насилия. Он подвержен раздражительности, ненависти, и, разумеется, страху. В отличие от Диктатора, действия которого санкционированы той или иной правовой ситуацией, Хулиган действует вопреки установившимся нормам приличия или даже законности. Славный Парень добивается своих эгоистических целей, в отличие от Хулигана, лицемерно надев маску доброжелательности; он лишен страха перед людьми и манипулирует их воспитанностью и чувством порядочности. Однако, как подчеркивает Шостром, “вы не сможете бороться со Славным Парнем. Удивительно, но в любом конфликте Хулигана со Славным Парнем Хулиган проигрывает” Это легко объяснимо: в отличие от Хулигана, Славный Парень не поработен страхом.

Наконец, последняя, четвертая группа антиподов Шострома: *Судья – Защитник*, соотносится со второй: *Калькулятор – Прилипала*. Судья в еще более яркой форме, чем Калькулятор одержим уверенностью в непогрешимости всех своих суждений, гордыней и нетерпимостью. Что же касается Защитника, то от Прилипалы он отличается тем, что от распоряжения чужими судьбами получает особое тщеславное удовольствие, а вовсе не стремится, как тот, получить выгоду от собственной зависимости. В этом Защитник чем-то близок к Диктатору, но отличается от него отсутствием страха и маской доброжелательности. Со своим антиподом Судьей Защитник сходен уверенностью в том, что знает лучше своих “подопечных”, что им необходимо.

Надо сказать, что Эверетт Шостром вполне сознает неполноту и неизбежное обеднение всякой классификации типов человеческого поведения. Вышеприведенная типология построена им на основе двух критериев: 1) противопоставление активной и пассивной позиций; 2) противостояние страха и недоверия к людям с одной стороны, и самоуверенности во взаимоотношении с ними – с другой. Психолог не замыкается на этой систематизации и иногда попутно может добавлять еще критерии, способные образовать аналогичные классификации, как, например: “философия соревнующегося манипулятора – выигрывать любой ценой. Философия индифферентного манипулятора – отвергать

заботу”.

Очевидно, то, что все восемь или более – сколько можно еще насчитать – типов манипуляторов имеют общую черту: глубокий эгоизм и индивидуализм, которые не позволяют людям решиться на открытое искреннее общение, но направляют их по пути манипулирования окружающими как неживыми предметами. Ложь и двойственность во взаимоотношении с людьми делают манипуляторов бесконечно одинокими и замыкают их на себя, отчего прежде всего они сами становятся глубоко несчастными.

Неискренность в близких отношениях

Близость между людьми может быть горизонтальной и вертикальной. Горизонтальный тип – это отношения равенства друзей, супругов, братьев, сестер и т. д. Вертикальный – это, в первую очередь, – отношения родителей и детей и далее -представителей разных поколений или даже разных ступеней социальной структуры, хотя в последнем случае возникновению подлинной близости препятствуют функциональные роли. В соответствии с этим каждый тип создает характерные для него манипуляции.

Вертикальный тип представляет особую сложность для анализа отношений. Система: родители – дети (и ей аналогичные) манипулятивна по своей изначальной природе, она включает две противоположные социальные функции, связанные комплексом взаимных обязанностей. Задача родителей – сначала вскормить появившееся на свет дитя, а затем, по мере того, как с возрастом в нем пробудятся и начнут углубляться черты личности, привить ему правильное (естественно, с точки зрения родителей!) понимание жизни.

Поэтому вопрос, что здесь является, а что – нет, манипуляциями в нашем отрицательном смысле, требует дополнительного уточнения. Да, собственно, и вопрос этот не возникает, пока дитя не ощутит себя личностью, имеющей право на мнение, несогласное с родительским. А это, как правило, увы, наступает гораздо раньше, чем родители объективно могут предоставить своему дитяти такое право в силу его социальной и физиологической незрелости.

Если манипуляцией мы называем подмену открытого личностного контакта закрытым, отношение к человеку как к объекту, от которого требуется добиться какого-то результата, а не как к субъекту общения, то мы, руководствуясь Шостромом, должны прямо сказать, что любой внимательный тактичный родитель, бережно подправляющий неудачные шаги своего дитяти так, чтобы его не ранить и не сломать его

индивидуальность, – злостный манипулятор! А тот родитель, который напрямик, без обиняков “бороздит” душу ребенка, имеет с ним непосредственный личностный контакт!

Всякий разумный человек скажет, что это абсурд, и откажется применять критерий открытости к взаимоотношениям родителей и детей. Дети принципиально не могут понимать родителей, как они, например, понимают своих сверстников. У них нет еще и малой доли того жизненного опыта, который определяет личность родителей и без которого их понимание остается неполным. Поэтому попытка родителей достичь полной открытости перед детьми, стать равными, не может привести к искомому взаимопониманию, но, напротив, приведет к потере родительского авторитета. При нормальных взаимоотношениях естественное непонимание детьми родителей компенсируется почитанием, о котором гласит пятая заповедь Моисея. И разрыв между ними сокращается очень медленно и едва ли успевает исчезнуть совсем к закату жизни родителей и к полной зрелости детей.

Между прочим, наш американский “эксперт по манипуляторам” Эверетт Шостром, увлеченный их “разоблачением”, этому важному моменту совсем не придает значения. Он лихо вклинивается со своим анализом во взаимоотношения родителей и детей. “Самое интересное то, – замечает Э. Шостром, – что манипулятор может испытывать многие чувства вполне искренне, но он непременно попытается использовать их «на что-то полезное», как он думает. То есть в нагрузку к искренним слезам дается некая манипулятивная цель”⁵².

Шостром с обычной для него беспощадной иронией приводит пример матери, пытающейся воздействовать на детей фразами типа: “иди и радуйся, и не думай о том, что у меня болит голова”, или: “не беспокойся обо мне. Зачем тебе думать о таких пустяках”⁵³. Конечно, подобная манера воспитания показывает яркий пример того, как материнской жертвенностью прикрыт вопль о сострадании. Но даже если это гротеск, можно ли все так упрощать, раз и навсегда повесив на измученную мать ярлык манипулятора?

К сожалению, слишком узнаваема воспитательная ситуация, когда родители в отчаянии чувствуют, что теряют контроль над детьми именно в тот момент, когда детей “понесло” и именно сейчас дети нуждаются в действенном вразумлении. Можем ли мы сомневаться в том, что мать, о которой полушутливо говорит Шостром, искренна в своем желании детям добра, хотя она и применяет к ним не самые удачные воспитательные меры? Никому в голову не придет в этом усомниться.

Тогда сам собой встает и следующий вопрос: что могло толкнуть ее на неискренний путь спекулирования сыновними чувствами своих детей? Ответ слишком очевиден, особенно для тех, кто имеет не только сыновний, но и родительский опыт; причина – в бессилии и отчаянии. Родительская любовь – чувство, не поддающееся самоконтролю. Нет для родителей страдания большего, чем если их детям угрожает опасность, о которой дети сами даже не догадываются. Ведь как бы ни был родитель терпим к пороку, если он на себе испытает жестокость своих детей, он “кожей” ощутит, как они несчастны, какой мучительный мрак в их душах! Чем растопить и отогреть их ожесточившиеся сердца, если они ни о чем не хотят слышать?.. Мать видит, что дети, эгоистически замкнувшись на собственной персоне, не хотят признавать никого, даже ее. Может быть, на этот случай и существуют какие-то другие воспитательные меры, лучше манипулятивных. Но есть ли у нее в этот отчаянный момент силы для творческого поиска?

Не степень открытости является решающим критерием искренности отношений между родителями и детьми. Ведь детей от полного понимания их родителей все равно отделяет непройденное пространство жизненного опыта. С другой стороны, родители, в силу жертвенности, которая является частью их природно-социальной роли, также оставляют детям пространство самостоятельности, необходимое для их взросления. В действительности неискренность в отношениях вертикального типа проявляется в том, что полная жертвенность со стороны родителей и полное доверие со стороны детей подменяются поиском каких-то эгоистических интересов только для себя.

Горизонтальные отношения во всем их бесконечном многообразии, напротив, терпят основные потери от закрытого типа общения. Этот тип, к сожалению, распространен не только в функциональной сфере, когда людей связывает, например, работа. Искушение поставить какие-то “важные” цели выше прямого, ничем не замутненного личного контакта, слишком часто встречается и среди близких родственников. Ради этой “высшей”, как кажется в этот момент, цели душа захлопывается перед людьми самыми близкими, даже перед супругом или супругой, и начинается манипулирование ими по уже известной схеме.

Здесь уже Эверетту Шострому есть где разгуляться. “Самые интересные находки манипуляторов, – со знанием дела сообщает он, – в области любовных отношений. Ключевая фраза здесь: *Если бы ты любил меня, то ты бы...* О чем может свидетельствовать эта фраза, сказанная одним из супругов? Какой-то знак внимания, подарок, вещь, или все, что

угодно в этот момент воспринимается единственной целью, а спутник или спутница жизни, покуда не обеспечит эту единственно заслуживающую внимания цель, не может доказать свою любовь, и, следовательно, не заслуживает ответной любви. Не он или она – цель; цель в том, что ожидается от него или от нее. А сам он или сама она – всего лишь средство на пути к цели...

Шостром в привычной для него саркастической манере дает “советы”, как добиться более искренних чувств мужа, типа следующих: “Останься без обеда; тогда ты сможешь положить лишнее яблоко ему в портфель. («Родной, тебе витамины нужны больше, к тому же я почти не хочу есть»). Не говори ему о том, что ты дважды падала в обморок в торговом центре от слабости, когда покупала ему рубашку (но удостоверься, что он знает о твоих обмороках). Открой окно в его спальне как можно шире, чтобы у него было больше воздуха, и закрой свое окно, чтобы не использовать его запас”⁵⁴.

Конечно, это не всерьез, но к чему на самом деле могут привести шуточные советы Шострома? Ясно, что за этим “почти не хочу есть” муж безошибочно почувствует лукавство. Раз она не раскрывается до конца, значит ей есть, что скрывать. А может быть... И понятно, что ком взаимного недоверия может вырасти мгновенно до самых невероятных размеров.

В супружеских отношениях как в предельном выражении горизонтальных человеческих связей губительна малейшая неискренность. Не случайно первой реакцией учеников Христа, услышавших, сколь велика ответственность вступающих в брак, в котором взаимопроникновение двоих делает из них одно, была реакция испуга перед трудностью этого подвига: “если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться” (Мф 19:10). Любые попытки добавлять к искренним чувствам манипулятивные цели здесь особенно угрожают взаимным отчуждением – охлаждением и даже потерей любви.

Возможно ли в этом мире совсем избежать лжи

Ложь разрушает личностное общение людей и их разъединяет. Понятно ли нам сегодня, о чем говорит авва Дорофей, хотя мысль его кажется для нас совсем не новой? Он говорит, что человеку, привыкшему хитрить и изворачиваться, “никогда не верят, но хотя он и правду скажет, никто не может дать ему веры, и самая правда его оказывается невероятной”. За этой мыслью, в общем-то крепко внушенной нам еще с детства, встает глубинное святоотеческое понимание природы и действия лжи.

Правда – это не просто информация, соответствующая действительности. Это – особое состояние взаимной открытости людей. И наоборот, ложь может заключаться в формально правдивых словах, но исходящих из лукавого сердца, в котором потаенной от всех осталась длинная цепь корыстных ожиданий и расчетов на эту “правду”. Именно в этом – одно из объяснений, почему Христос запрещал нечистым духам открывать, что Он Сын Божий (Мк 3:11–12). Правда из уст демонов переставала ею быть.

Правда, высказанная лживым человеком, ничуть не прибавляет душевной близости людям, следовательно, не выполняет своего предназначения. А мы сегодня этого уже почти не чувствуем – нашей привычной средой стало отчуждение и эгоистическое одиночество, и ложь нам уже не кажется нравственной пыткой, лишаящей подлинных переживаний встречи с другой личностью. В отличие от нынешнего мироощущения отцы христианской традиции видели во лжи прежде всего разрыв связей с другими людьми и с Богом, потерю того, что наполняет человеческую душу жизнью и без чего она обречена на холод опустошенности.

Нельзя терять из виду всю глубину понимания Святыми отцами природы лжи, когда мы обращаемся к ним за ответами на наши вопросы. Авва Дорофей, например, при всем однозначно осуждающем отношении к лжи, остается предельно реалистично мыслящим человеком. Он признает, что в реальности нашего падшего мира бывают ситуации, когда искажение действительности становится единственно правильным выходом из положения. Именно так надо понимать его выражение “изменить слово”.

“Иногда случается такое дело, – объясняет он ситуацию, – что бывает крайность скрыть мало, и если кто не скроет мало, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая крайность, и видит кто-либо себя в такой нужде, то может посему изменить слово для того, чтобы не вышло, как я сказал, большего смущения и скорби, или обиды”.

Итак, является ли ложью “изменение слова”, о котором говорит авва Дорофей? Согласно его же утверждению, всякий грех и ложь “происходит или от сластолюбия, или от сребролюбия, или от славолубия”. А здесь мотив совсем другой – избежать “большого смущения и скорби”, большего по сравнению со смущением, какое вносит “крайность скрыть мало”. Например, в супружеских отношениях, которые принципиально не переносят закрытой формы общения, все же может возникнуть необходимость в эпизодической закрытости, допущенной с целью пощадить уязвимость близкого человека или какую-то другую его немощь.

Но тем не менее, предупреждает авва Дорофей, это “изменение слова” или “сокрытие мало” все равно остается самой настоящей ложью! Поэтому старец стремится предотвратить слишком частое обращение его учеников к крайности, чтобы “изменить слово”. Каков бы ни был мотив закрытой формы общения – жалость или эгоизм, – по этой причине одинаково неизбежно вырастает препятствие подлинному межличностному контакту. Человек, решившийся на эту крайнюю меру, неизбежно несет потери. Из двух (а может быть и более) зол ему приходится выбирать наименьшее. Но зло от этого не становится добром, оно остается злом.

Поэтому авва Дорофей тех, кто все же решился на вынужденную неискренность, призывает к покаянному настроению: “но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать перед Богом, и считать такой случай временем искушения ... кто хочет по необходимости изменить слово, то он должен делать это не часто, но разве в исключительном случае, однажды во много лет, когда видит, как я сказал, великую необходимость, и это самое, допускаемое весьма редко, пусть делает со страхом и трепетом, показывая Богу и произволение свое, и необходимость, и тогда он будет прощен, но вред он все-таки получает”. Интересен здесь своеобразный душепопечительский прагматизм старца, когда он даже называет допустимый период намеренного искажения истины. Видимо, эти “много лет” характеризуют реальность духовной атмосферы той монашеской жизни.

Если же теперь мы перенесемся из VII века в наше время, то опять перед глазами встает образ манипулятора, которого идеализирует Карнеги и критикует Шостром. Как резко он контрастирует с христианином, решившимся на неискренность во избежание большего зла! Манипулятор уверен, что его закрытое общение – единственно возможная форма социальной жизни, в то время как христианин относится к ней как к греховой аномалии, хотя порой неизбежной.

Карнеги уверен, что “новый образ жизни”, основанный на манипуляциях человеческими страстями, принесет “бесчисленных друзей и неизменное счастье”, то есть однозначно положительный результат. А авва Дорофей категорически настаивает, что ложь всегда безрадостна, даже если ее ценой удастся избежать худшего зла, на ней нельзя ничего построить! Современная психологическая наука со своих позиций в лице Шострома здесь принимает сторону аввы Дорофея, выражающего основы христианского знания о мире и человеке.

Ложь словом и ложь жизнью по авве Дорофее

Третий тип лжи по классификации аввы Дорофея – это ложь жизнью. В отличие от самообмана, то есть лжи мыслью, и в отличие от лжи словом, имеющей под собой чаще отрицательные, но иногда положительные мотивы, эта ложь заключается в циничной двойственности самой жизни.

Словами “ложь жизнью” авва Дорофей называет глубокую греховную испорченность человека, который привык к пороку, не боится его и не стесняется. Но, поскольку общественное мнение все же осуждает порок, а ценит все-таки добродетель, то он считает выгодным скрываться под добродетельной маской. Побуждения к лжи жизнью, как мы видим, однозначно греховные, в отличие от лжи словом, которая, согласно авве Дорофее, хотя и приводит неизбежно к потере открытого искреннего общения, но иногда бывает из добрых побуждений.

Авва Дорофей сравнивает в некоторых моментах обман лгущего жизнью с ложью словом. Он “не потому удивляется добродетели, что желает похвалить ее, – противопоставляет преподобный старец лжеца жизнью тому, кто неискренен в словах, но внутренне страдает от этого, – ибо если бы он говорил с сею мыслью, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: «горе мне окаянному, я сделался чуждым всякого блага», и тогда уже, по сознанию своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей”.

Лгущий словом еще способен испытывать нравственные муки от того, что его дела расходятся со словами. А лжец жизнью, – продолжает их сравнение авва Дорофей, – “не с тою целью хвалит добродетель, чтобы не соблазнять другого, ибо он должен бы был (в сем случае) думать так: «поистине я окаян и страстен, но зачем мне соблазнять других? Зачем наносить вред душе иного и налагать на себя и другую тяжесть?». И тогда, хотя бы он в том (вышеупомянутом) и согрешил, однако же коснулся бы и добра; ибо осуждать себя есть дело смирения, а щадить ближнего есть дело милосердия”.

Лжец словом, как уже говорилось, может искренне ценить добродетель, в душе каясь в своем несоответствии собственным же словам и боясь соблазнить окружающих. В противоположность этому “жизнию своею лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным; или, будучи корыстолюбив, говорит о милостыне и хвалит милосердие, или, будучи надменен, дивится смиренномудрию ... Но не по какой-либо из упомянутых причин удивляется, как я сказал, добродетели, – продолжает авва Дорофей, – но или для того похищает имя добродетели, чтобы покрыть свой стыд, и говорит о ней, как будто и сам он совершенно таков,

или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его” (9,17–18).

Как мы видим, единственное, что о лжи жизнью говорит авва Дорофей, это – стремление под личиной добродетели скрыть порок. Такова природа этого типа лжи: в чем бы она ни состояла, ее схема одна – сознательная попытка выдать одно за другое, – обмануть. Человек всегда стремится к добру (как бы искаженно он его ни понимал) и всегда избегает зла (опять-таки, как он его понимает). Противоположные полюса *добро* – *зло* лежат в самой основе человеческого сознания, определяют глубокую структуру психики. И они движут поведением и всей жизнью каждого человека и, соответственно – всего мира. Поэтому мотивы и смысл любого обмана состоят в том, чтобы выдать за что-то ценное то, что на самом деле не представляется ценностью.

Любое общество ценит (если не принимать во внимание материальные блага) честность, порядочность, справедливость, законопослушание, – словом, все те добродетели, которые гарантируют спокойную жизнь и процветание каждому члену этого общества. Поэтому противоположные им пороки всегда выгоднее не показывать, а спрятать.

Правда, в наше время в результате катастрофического падения нравов в массовом сознании многие грехи, например, против целомудрия, воспринимаются теперь почти как невинность, или чуть ли даже не особый вид добродетели, и порочные циники вовсе не считают нужным их скрывать. Эта ложь еще губительнее, поскольку в атмосфере перемешанных нравственных ориентиров люди тщеславятся пороками и стесняются добродетелей. Едва ли авва Дорофей в свое время представлял себе, что мир может быть настолько перевернутым. Всеобщий обман массового сознания куда страшнее “частного” обмана порочным человеком людей, непосредственно его окружающих, поскольку порок уже не просто прикрывается добродетелью, но дерзко объявляет себя ею.

Но и эта ложь современного массового сознания является лишь дальнейшим углублением лжи жизнью, показанной Святым отцом VII века. В его времена было хорошо известно, что нередко встречаются попытки ложное, надуманное учение поставить на место живого, переживаемого на опыте, знания Бога и объявить лжеучение самой истиной. Тот же самый прием и теперь – объявить порок или даже преступление, как, например, аборты, необходимостью, полезной для всех. Схема осталась прежней – вместо добра подсунуть зло. Поэтому авва Дорофей и делает заключение, что ни одна злоба, ни одна ересь, ни сам диавол не может никого обольстить иначе, как только под видом

добродетели. Если сам диавол преобразуется в ангела света, – ссылается он на апостола Павла, – то неудивительно, что и слуги его преобразуются в слугителей правды (2Кор 11:14–15).

Суть современной гедонистической цивилизации в том и состоит, чтобы если не прямо отвергнуть Христа, то хотя бы затушевать “уж слишком острую дилемму”: *никто не может служить двум господам... не можете служить Богу и маммоне* (Мф 6:24). Для этой цели годятся все средства. Самое эффективное – воспитать в людях отношение к лжи как к чуть ли не высшей добродетели; именно таков конечный результат “карнегизации всей страны”. Вот тогда человек, стремясь к успеху в бизнесе, к исполнению своих эгоистических пожеланий, относясь к людям как к вещам, получит к тому же еще одно “удовольствие” – уверенность, что он служит не маммоне, а Богу. Поэтому сегодня нам так важно сделавшуюся уже привычной “цивилизованною” этику подвергать прямой и жесткой проверке с евангельских и церковных позиций.

Примечания

¹ - Справедливости ради следует отметить, что общий стиль и направленность “американского образа жизни” вызывает активный протест и у христиан Америки, причем не только православных. – Ред.

² - Преп. авва Дорофей. Душеполезные поучения. Изд. 8. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900, сс. 106–114 (см. репринт Тула, 1990 и др. переиздания).

³ - В древнерусском языке слово мнение означало ‘ложное, напрасное обвинение’, ср. совр. мнительный. – Ред.

⁴ - Митрополит Антоний Сурожский. Молитва и жизнь. Рига. 1992, с. 84.

⁵ - Там же.

⁶ - Там же, сс. 84–85.

⁷ - Там же, с. 85.

⁸ - Там же.

⁹ - Там же.

¹⁰ - Там же.

¹¹ - Там же, с. 86.

¹² - Там же, с. 85.

¹³ - Там же, сс. 85–86.

¹⁴ - Там же, с. 86.

¹⁵ - Там же.

¹⁶ - Карнеги, Дейл. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Москва-Баку, с. 53 (далее цитируется по этому же изданию).

¹⁷ - Там же, сс. 52–53.

¹⁸ - Там же, с. 52.

¹⁹ - Там же, с. 53.

²⁰ - Там же, с. 57.

²¹ - Там же.

²² - Там же, с. 63.

²³ - Шостром, Эверетт. Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. Минск, Моск. изд. группа, 1992, с. 67.

²⁴ - Там же, с. 11.

²⁵ - Там же, с. 26.

- 26 - Там же.
- 27 - Там же, сс. 26–27.
- 28 - Там же, с. 28.
- 29 - Там же.
- 30 - Там же, сс. 22–23.
- 31 - Там же.
- 32 - Там же, сс. 125–126.
- 33 - Там же, с. 126.
- 34 - Там же, с. 125.
- 35 - Там же, с. 128.
- 36 - Карнеги, Дейл. Указ. соч., с. 122.
- 37 - Там же.
- 38 - Там же. с. 115.
- 39 - Там же.
- 40 - Там же, с. 116.
- 41 - Зинченко В. П., Жуков Ю. М. Предисловие // Карнеги, Дейл. Указ. соч., сс. 10–11.
- 42 - Шостром, Эверетт. Указ. соч., сс. 42–43.
- 43 - Там же, с. 43.
- 44 - Карнеги, Дейл. Указ. соч., с. 61.
- 45 - Там же.
- 46 - Зинченко В. П., Жуков Ю. М. Указ. соч., сс. 11–12.
- 47 - Шостром, Эверетт. Указ. соч., с. 41.
- 48 - Фромм, Эрих. Здоровое общество // Психоанализ и культура (Серия “Лики культуры”). М., 1995, с. 565. Явление, названное Э. Фроммом “гумманистический коммунитарный социализм”, ничуть не ближе христианскому сознанию, чем роботизм, поскольку скрывает в себе подмену: в качестве высшей цели человеку предлагается не богослужение, а общение чисто человеческое.
- 49 - Там же, с. 563.
- 50 - Карнеги, Дейл. Указ. соч., с. 122.
- 51 - Шостром, Эверетт. Указ. соч., сс. 30–31.
- 52 - Там же, с. 50.
- 53 - Там же, с. 51.
- 54 - Там же, сс. 50–51.

Содержание

прот. Михаил Дронов Карнеги, «Анти-Карнеги» и Авва	1
Дорофей протоиерей Михаил Дронов	
Примечания	41